
АЛЕКСАНДРА М. КУЗНЕЦОВА
Яблочки не для
Дракона!

Александра Кузнецова

Яблочки не для дракона!

«Автор»
2026

Кузнецова А. М.

Яблочки не для дракона! / А. М. Кузнецова — «Автор», 2026

Попала в другой мир и стала хозяйкой фруктового сада. Сосед — мрачный дракон, чья магия убивает всё живое в радиусе километра, включая мои яблони (и меня!).Что между нами может быть? Вражда? Химия!Я кандидат наук, скептик, и уверена, что у любой проблемы есть формула!В книге будет:Попаданка-ученая, которая не верит в волшебствоЛорд-дракон, который не верит в любовьМилый пушистый фамильяр.

© Кузнецова А. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 14
Глава 4 16
Глава 5 23
Глава 6 25
Глава 7 30
Глава 8 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Яблочки не для дракона!

Глава 1

Граф Найтенбрук проснулся от неприятного чувства, будто что-то изменилось. Он сел на кровати, тщетно стараясь понять, что именно чувствует, но все было неуловимо. Пожалуй, только запах.

Дракон принюхался и с удивлением понял, что это зацвели яблони.

Распахнув тяжелые бархатные шторы, благодаря которым в его комнатах всегда царил приятный полумрак, он зажмурился от яркого света.

У подножья холма, где стоял его старинный особняк — его тюрьма, внешне неотличимая от богатого, но ветхого поместья, — расцвел яблоневый сад.

— Сейчас даже не весна! — искренне возмутился он.

Поправив повязку на глазу и наскоро одевшись, он спустился по выщербленным ступеням к источнику, а затем и к первым цветущим деревьям.

Старые яблони, с узловатыми кривыми ветками, которые не плодоносили годами, а иногда и вовсе не распускали почек, расцвели так, что глаз резало от яркости и белизны.

Дракон недовольно поджал губы и коснулся нежных лепестков ближайшей яблони. Они тут же начали увядать под его пальцами.

Жизнь ускользала, убегала от него, как перепуганная лань.

Сначала на яблоне побледнели лепестки, затем скрутились листья, а ветви стали сухими и ломкими.

Так было не всегда. Детьми они бегали по этому саду, кажется, где-то должны были остаться качели. Дракон пошел вдоль деревьев, но за пышными цветами было ничего толком не разглядеть.

Хмыкнув, граф Найтенбрук с досадой провел по стволу, и лепестки опали разом, словно снежные хлопья.

Это пробудило болезненные воспоминания: отчаянные крики женщины, упавшей на колени в сугроб перед его порогом много лет назад.

— Я умоляю! Забери ее!

Голос звенел в его ушах, будто это было вчера. И хрупкие руки, дрожащие от холода, протягивающие ему сверток, в котором было что-то живое, невыразимо прекрасное.

— Рядом со мной только смерть.

— А что ее ждет без тебя?! Приют или улица! Кейден, умоляю!

Дракон отстегнул от пояса тяжелый кошелек и бросил девушке.

— Так она хотя бы будет жива.

Девушка не взяла деньги. Она продолжала умолять, и ему пришлось захлопнуть дверь, чтобы прекратить этот отчаянный поток боли и унижения.

Воспоминания душили, сдавливая грудь, словно железные тиски. Может, они убьют его, наконец?

— Прошу вас немедленно покинуть зону проведения эксперимента! — послышался за спиной звонкий женский голос.

Дракон с удивлением уставился на источник звука. Неподалеку, среди деревьев, стояла девушка в простом голубом платье, подол которого был небрежно заправлен в высокие садовые сапоги.

Золотистые волосы слегка растрепались на ветру. Они были закручены в пучок, который держался на нескольких воткнутых в него карандашах вместо шпилек.

В руках она держала какой-то странный прибор, за пояс был заткнут блокнот, а на носу — очки с явно увеличительными линзами.

Дракон замер, не в силах пошевелиться. Вот и причина изменений в воздухе: новая хозяйка яблоневого сада. От нее невыносимо пахло другим миром, весной и какой-то какофонией химических запахов, которую было не разобрать.

Дракон инстинктивно поморщился.

— Ау! Вы меня слышите? Русский понимаете?

Девушка подошла ближе и помахала рукой перед его лицом.

Дракон отступил, поправил шейный платок и произнес:

— Прошу прощения за вторжение. Позвольте представиться, граф Найтенбрук, хозяин поместья. — Он махнул рукой на холм, откуда был виден его особняк.

Девушка пожала плечами:

— Сосед, значит, это проясняет ситуацию. А теперь прошу вас вернуться на свою территорию. Я провожу исследование, и вы мне мешаете.

С этими словами девушка коснулась завядшей ветки и покачала головой, пробормотав что-то под нос.

— Конечно, я уже ухожу. Не хотел навредить вашему саду. Я не всегда могу контролировать свою магию.

Девушка подняла глаза на дракона, поправила очки и заявила:

— Не говорите глупости. Магии не существует.

Граф Найтенбрук невольно усмехнулся. С каким уверенным видом эта явно недавно попавшая сюда особа рассуждает о вещах, которые ее человеческий мозг даже не способен осознать.

— Тогда как вы объясните это? — спросил он, касаясь еще живой ветки.

Увядание цветов и падение листьев не произвели на девушку должного эффекта. Она лишь быстро вынула карандаш, начала что-то чиркать в блокноте и ответила, не отрываясь от бумаги:

— Внесу это еще одним пунктом в список и отвечу вам чуть позже. Но поверьте, у всего обязательно есть формула. А теперь прошу вас, покиньте территорию, вы, очевидно, переменная в этом уравнении, а мне нужны чистые данные. Спасибо. До свидания.

С этими словами она отвернулась и пошла по тропинке куда-то вглубь сада, оставив графа Найтенбрука в смешанных чувствах. Может быть, стоит от нее избавиться сразу?

До того, как она натворит здесь дел?

Глава 2

За несколько дней до встречи...Я очнулась в темноте. В ушах все еще звенело, голова кружилась. Я попыталась проморгаться, но безрезультатно.

Очевидно, что-то случилось в лаборатории во время тестов, какой-то взрыв? Отсюда и звон в ушах, и временное ослепление.

— Логично, — произнесла я, но собственного голоса не услышала.

Ладно, что бы там ни было, из лаборатории нужно было выбираться. Я встала на четвереньки, голова тут же закружилась. Дальше лучше двигаться ползком.

Во-первых, не так высоко падать, во-вторых, внизу явно меньше содержание опасных газов, если они, конечно, присутствуют.

Через пару метров я нащупала рукой стену, затем и дверь. Что-то явно было не так. Разве в лаборатории была деревянная дверь?

Я дотянулась до ручки, она тоже показалась мне непривычно изогнутой и теплой, дернула за нее и вывалилась наружу, зацепив с собой еще что-то.

Глаза резанул непривычно яркий свет.

Небо. Голубое небо с высокими облаками. Еще ветки. Определенно старые яблони. Характерные изломанные ветви, лишайники на стволах.

Под спиной мягкий ковер изумрудной травы. Среди зелени попадались маргаритки. Такой пейзаж наверняка хорошо бы смотрелся в качестве заставки на телефоне или открытки.

Но при чем тут была я?

Я приподнялась на локтях и уставилась на дверь, откуда только что вывалилась. Старый, немного покосившийся сарай, набитый садовым инвентарем. Часть его вывалилась наружу вместе со мной.

Хорошо, осталось понять, как я оказалась в сарае. Логичных вариантов не было вовсе, правдоподобных — несколько, и то с большой натяжкой.

Во-первых, меня мог украсть какой-нибудь маньяк. Некоторые седативные препараты как раз дают побочные эффекты в виде галлюцинаций, потери кратковременной памяти и головокружений. Только где маньяк и почему он меня не связал?

Также нельзя было исключить вариант взрыва в лаборатории. Дмитрий Сергеевич переписал график так, что новенькому аспиранту достались все дневные часы, а мне — ночь и обрезок утра. Дискриминация в чистом виде. Мог ли неопытный юноша что-то начудить? Нарушить герметичность шланга или сбить настройки лабораторного лазера? Вполне. Взрыв, оглушение, дезориентация, галлюцинации. Тогда почему грабли так правдоподобно впиваются в мою задницу?

Я поморщилась и вынула садовое орудие из-под себя. Грабли как грабли. Похоже, ими регулярно работали. Отсюда третий вариант.

Летом все ученики разъехались, и я осталась без подработки репетитором. Надо сказать, что на зарплату научного сотрудника прожить было трудно, поэтому я искала подработку на лето и, кажется, среди объявлений мне попадалось что-то про садоводство. Тогда почему я в лабораторном халате и ничего не помню?

— Нелогично, — произнесла я и все-таки встала на ноги.

Голова все еще кружилась, но я решила пойти и поискать людей. Подумав, я прихватила с собой тяпку с короткой ручкой. На случай, если все же версия с маньяком окажется рабочей.

Так, медленно перебираясь от дерева к дереву, я добралась до выложенной камушками садовой дорожки, а она уже привела меня к довольно милому двухэтажному дому с мансар-

дой, напоминающему какую-нибудь провинциальную деревянную усадьбу. Строение выглядело старым, если не сказать старинным, но вполне опрятным.

Справа стояла беседка, слева под навесом стол, накрытый к чаепитию. Заварочный чайник, вазочка с вареньем, одинокая чашка и два кренделька.

Слишком странно для галлюцинаций, безобидно для маньяка.

Я коснулась чайника — холодный. В варенье и на скатерть нападали листья. Похоже, что сервиз оставили здесь несколько дней назад.

Обстановка напомнила мне начало сразу нескольких фильмов про апокалипсис, но добавлять их в список теорий не хотелось. Я наконец додумалась осмотреть себя, пошарить по карманам лабораторного халата.

Мой запасной мобильный-раскладушка был в кармане. Заряда было достаточно, осталось поймать сигнал и позвонить кому-нибудь.

С этими мыслями я осторожно подошла ко входу в дом. Поразмыслив секунду, я все же решила сначала постучать и на всякий случай встать сбоку от двери с тяпкой наготове.

Ответа не последовало. Я постучала снова и мысленно посчитала до десяти. Что ж, все ритуалы вежливости исполнены, можно входить. Я толкнула дверь, и она с тихим скрипом распахнулась, пропуская меня внутрь.

В доме пахло яблоками и корицей, на крючке при входе висело несколько однотипных соломенных шляпок, отличающихся цветом ленточек. Такие же милые рабочие передники с вышитыми цветами, несколько пар садовых сапог. Повыше и пониже, но одного размера, судя по всему, женские.

Что ж, женщина-маньяк звучит уже не так пугающе.

Я переступила порог и присмотрелась к полу. Чистый, без явной пыли. Я посмотрела на подошвы своих кроссовок, вздохнула и вернулась к придверному коврику, чтобы старательно их вытереть, а затем уже продолжить осмотр.

Коридор вел в небольшую комнату, видимо, гостиную, из которой одна дверь вела вглубь дома, одна, распахнутая, на кухню. Я поняла это по видневшейся в проеме печке. Печка?

Я осмотрелась снова. Печка, свечи на столе рядом с открытой книгой, ни одной розетки, ни батареи отопления. Никаких приборов.

— Музей! — воскликнула я.

Это было логично и объясняло все разом. Меня притащил сюда сошедший с ума смотритель музея, повернутый на женщинах-ученых. Возможно, кто-то вспугнул его, и он сунул мое бессознательное тело в подсобку и сбежал.

— Логично, — сказала я сама себе и покрепче перехватила тяпку.

— Эй! Есть кто живой? — позвала я в глубину дома и на всякий случай помахала руками, вдруг датчики движения сработают.

Опять тишина. Возможно, что этот особняк всего лишь часть какого-нибудь исторического ансамбля и вход только в составе групп с экскурсоводами.

Стоп. Я резко оборвала себя. Сейчас я совершала классическую когнитивную ошибку: старательно навешивала на понравившуюся теорию ничем не обоснованные подтверждения. Даже в стрессовой ситуации нужно вести себя как профессионал. В первую очередь позвать на помощь.

Я снова достала телефон. Ни одной палочки связи. Что ж, стоит подняться повыше. Так, с тяпкой в одной руке и с раскладушкой в другой, я осторожно поднялась по лестнице. Сначала на второй этаж, а затем и на третий — мансардный.

Здесь было светлее, скошенный потолок сходился к окну, а узкая дверь вела на крохотный балкон. Мне показалось, что на экране появилась палочка. Воодушевившись, я осторожно приоткрыла дверь, вышла на балкон, вытягивая руку как можно выше, и только потом посмотрела вперед.

Телефон так и остался поднятым в небо. Балкон выходил на другую сторону дома. Видимо, парадную. За невысоким аккуратным забором начинался пологий склон к реке, и она серебрилась на солнце так, что приходилось щуриться.

Вдоль реки извивалась сельская пыльная дорога, а дальше шли холмы, а вдалеке горы.

Горы?! Ближайшие от нашего исследовательского центра горы были… да я понятия не имела, где. Явно не поблизости. Версия с маньяком-смотрителем явно оказалась несостоятельной.

Тогда что? Где я вообще?

От яркого солнца перед глазами плясали пятна, а далеко в небе виднелась какая-то странного вида птица, явно не нашей средней полосы. Я прищурилась, пытаясь понять, что она мне напоминает, и пришла к выводу, что птеродактиля.

— Вот это нелогично!

И тут в тишине сада отчетливо послышалось ржание лошади. Я опустила глаза и увидела, что по сельской дороге едет запряженная телега. Да, возможно, ею как раз управляет тот самый еще секунду назад вычеркнутый из уравнения маньяк, но я вооружена тяпкой и жгучим желанием понять, где я и что происходит. Так что еще посмотрим, кто кого.

Я наскоро сфотографировала загадочную птицу, потом спустилась на первый этаж, с третьей попытки нашла дверь, ведущую на парадное крыльцо, пробежала мимо клумб и милого заборчика с табличкой на непонятном языке и успела как раз вовремя, чтобы увидеть приближение телеги, которой управлял тучный мужчина, одетый так, словно только что вернулся со съемок какой-нибудь экологически чистой фермерской продукции.

Чем ближе он подъезжал, тем очевиднее становилось, что он удивлен встретить меня не меньше, чем я его.

— Не маньяк, — буркнула я себе под нос и помахала рукой. — Эй! Здравствуйте!

Судя по выражению лица фермера, он не жаждал останавливать телегу при виде меня. Мне даже показалось, что он немного испуган.

— Не подскажете, где я? — крикнула я, чем вызвала на его лице еще большее смятение.

— Чур меня, чур! — испуганно воскликнул он, стянул с головы шляпу и начал отмахиваться, словно призрака увидел.

Прежде чем я успела сказать еще что-то, он хлестнул лошадь так, что та рванула не хуже гоночной машины. Рискуя развалиться на ходу, телега поскакала по кочкам дальше.

Эта неопределенность перестала меня пугать и начала раздражать. Я простонала и подняла голову к небу, в надежде найти ответ.

В пронзительной синеве отчетливо виднелся серебристый силуэт. Дракона.

Не самолета, тут было не спутать.

Дракона.

Я растерянно посмотрела на тяпку в своей руке, еще раз на дракона и поняла, что версия с маньяком мне все же нравилась больше.

Мне нужны были ответы. Например, что делать, если в небе летает огромная штуковина с кожаными крыльями. Нужно замереть? Или лучше падать на землю?

Я решила, что безопаснее всего укрыться в доме. Я со всех ног рванула туда, захлопнула за собой дверь, нащупала затвор, заперлась и отошла на пару шагов. Сердце в груди бешено колотилось.

— Так. Это все еще может оказаться управляемым правдоподобным сном, — от звука собственного голоса стало поспокойнее.

Нужно было думать логически. Если это не сон и я оказалась в чьем-то эксперименте или в другом мире, то нужно как можно быстрее найти других людей и расспросить.

Фермер ехал по дороге, а дорога — это, очевидно, линия из пункта А в пункт Б. И если про пункт А мы не знаем ничего, то в пункте Б должны находиться как минимум сбежавший от

меня фермер, его лошадь и телега. И так как телега не была похожа на дом на колесах, значит, до конечного пункта не так далеко. Можно дойти пешком.

Я осторожно выглянула в окно. Дракона уже не было видно, впрочем, никого не было видно, значит, придется выручать себя самой.

Нужно обыскать дом на предмет стационарного телефона, а если его нет, то набрать воды, прихватить еду и топать по дороге.

На первом этаже я обошла все комнаты подряд: маленькую спальню, кладовую с пучками трав под потолком. Складывалось ощущение, что дом жилой и оставили его несколько дней назад. Жила, судя по всему, женщина, потому что мне попадались на глаза то шаль, то шляпки, вязание, дамские тапочки, но никаких мужских вещей.

Следующая дверь вела меня в просторную гостиную с камином.

— Что за черт? — вырвалось у меня само собой.

Над каминной полкой висел портрет. Женщина в светлом кружевном платье глядела чуть в сторону, сложив руки на коленях, и приветливо улыбалась. Холст заметно потемнел от времени, краска кое-где пошла трещинами, но в целом портрет был в отличном состоянии.

С него смотрела я. Вернее, моя странная копия.

Я инстинктивно обернулась к зеркалу. Ну да, сходство такое, что я начала сомневаться, нет ли у меня тайной сестры-близнеца. Это могло бы объяснить мое участие в этом безумном эксперименте. Если это эксперимент, конечно.

Я выдохнула и заставила себя рассуждать логически.

Например, в этом доме могла жить женщина, похожая на меня. Возможно, она умерла и местный житель принял меня за призрака.

— Логично.

Деревенские люди суеверны до смешного, верят в порчу, привороты, магию, ведьм и домовых. В схему все еще не вписывался дракон, но чтобы разобраться еще и с этим, нужно было найти кого-то и опросить.

Так что, наскоро обыскав гостиную и не найдя телефона, я решила топать на кухню, набрать там воды и пойти по дороге.

Кухня оказалась самой обжитой комнатой в доме. Низкий потолок с балками, выбеленная печь в полстены. С крюков свисали связки лука и сушеных яблок, на широком столе стояла глиняная миска с мукой, прикрытая полотенцем. Пахло корицей, дровяным дымом и чем-то кислым, вроде сидра. Вписывается в мои представления об уюте.

На полке у окна нашлась пустая стеклянная бутыль с пробкой. Никакого запаха, чистая и без разводов. Я налила туда воду из чайника, который стоял на печи.

В плетеной вазе на столе лежали три румяных яблока. Я взяла два, обтерла о халат и сунула в карманы. С бутылью воды в одной руке и тяпкой в другой, я вышла на парадное крыльцо, прошла по мощеной дорожке, вышла за калитку и потопала в сторону пункта Б.

Дорога тянулась ровно, чуть под уклон, и прогулка была даже приятная, если не вспоминать, как я тут очутилась. Свежий воздух, природа. Даже полезно иногда вырваться из рабочей суеты, переключиться, но, конечно, не ценой своего рассудка. Я все еще отчетливо помнила силуэт дракона и нервно посматривала на небо.

Драконов не было, как не было и ни одного самолета. Подозрительно. И обочина дороги тоже была какая-то непривычно чистая.

За полчаса ходьбы мне не попалось ни окурка, ни ржавой банки, ни клочка пакета в траве. Мои рассуждения прервал удар.

На полном шагу я во что-то врезалась лбом, грудью и коленями разом, будто налетела на стеклянную витрину. Меня отбросило назад, я плюхнулась на дорогу, подняв пыль, и несколько секунд ошарашенно хватала ртом воздух.

Передо мной тянулась пустая дорога. Ничего, во что даже теоретически можно врезаться. Я поднялась, отряхнула халат и вытянула руку. Ладонью я уперлась в какой-то невидимый барьер. Он мягко, но настойчиво тормозил движение моей руки.

Я попыталась пощупать его, но под пальцами ничего не было. Воздух и сопротивление.

— Энергетическое поле! — воскликнула я со смесью удивления и восхищения.

Я читала о подобных эффектах, но чтобы их можно было так применить на полигоне? Удивительно. Я надавила снова, потом стукнула кулаком, навалилась плечом всем весом. Поле чуть пружинило и не поддавалось. Я прошла вдоль него влево, отсчитала шагов двадцать: стена шла плавной дугой и забирала в сторону дома.

Хмыкнув, я подняла с дороги камень и кинула его вверх, пытаясь понять высоту барьера, но камень полетел ровно, не встретив препятствия. Я взяла еще один и еще, а затем пришла к совсем неутешительным выводам: сквозь барьер проходило все, что угодно, кроме меня.

Вот это было уже совсем странно. Может быть, барьер не пропускает что-то живое? Непонятно как он это определяет. Зачем ставить такой барьер? Очевидно, чтобы не пустить человека, меня, например, в пункт Б. Возможно, это какая-то особая защищенная зона?

— Эй! Меня кто-нибудь слышит?! — крикнула я. — Ау!

Никто не отозвался. Я на секунду засомневалась: а может быть, никакого фермера не было? Он — голограмма, как и дракон. Почему бы и нет, раз уровень технологий здесь позволяет создать защитное поле. Но на дороге отчетливо виднелись следы повозки.

— Непонятно, — буркнула я себе под нос.

Что ж, если где поле и обрывается, то наверняка у воды. Одежду можно будет перекинуть сквозь, самой проплыть, одеться с другой стороны и продолжить исследование местности.

Было похоже на план, но шагов через десять трава у самых кроссовок зашуршала, и из-под ноги метнулось что-то длинное и гибкое, в бурых разводах. Змея вскинула голову и застыла, уставившись на меня, а я заорала так, что распугала бы всю округу, будь тут хоть одна живая душа.

Я швырнула в змею тяпкой и понеслась в сторону дома, не разбирая пути. Природа — это явно не мое! Комары, насекомые, ползучие гады. Я всю жизнь предпочитала управляемые пространства, хотя мать моя была ботаником.

До крыльца я долетела на одном дыхании, ввалилась внутрь и налегла на дверь всем телом. Засов я нащупала сразу, задвинула его и для верности подперла спиной, пока сердце не перестало биться в грудную клетку, как бешеное.

Нет, без нормальной экипировки выходить на улицу глупо. Драконы, змеи, поле неизвестного генеза. Лучше сосредоточиться на обыске дома.

Начать я решила с кухни: там наверняка найдется хоть что-то острое, а заодно и еда, к которой я так и не притронулась.

На кухне я взяла с полки короткий нож с костяной рукоятью и проверила пальцем лезвие, острое и наточенное. В углу, за связками лука, пряталась низкая дверца, которую в спешке я приняла за чулан. За ней оказалась кладовая, заставленная банками солений, а в полу зиял откинутый деревянный люк с крутой лестницей вниз.

Снизу тянуло прохладой и запахом брожения. Я проверила заряд на телефоне, затем включила фонарик, спустилась по лестнице и оказалась в длинном сводчатом подвале. Вдоль одной стены на боку лежали пузатые дубовые бочки, от них и пахло сидром; на ближней мелом был выведен номер партии и дата.

Но бочки оказались не главным. Я подняла телефон выше, и в дальнем конце подвала блеснуло стекло. Там, под низкими сводами, стояла приличных размеров лаборатория.

— Хм, а жизнь-то налаживается!**И правда, лаборатория и несколько бочек сидра местного производства. Отлично!**

Я медленно прошла вперед, освещая приборы перед собой. Фонарь телефона выхватывал из темноты то блеск стекла, то медный бок какого-то аппарата.

На потолке висела какая-то странного вида конструкция из кристаллов, медной проволоки, линз, но также на крючках были вполне узнаваемые масляные лампы, а на краю стола под ними нашлись и спички.

Я зажгла несколько фитилей, желтоватый свет растекся по сводам, и подвал перестал походить на склеп. К моему удивлению, несколько кристаллов засветились, отражая лучи в потолок. Непохоже, чтобы внутри камней были светодиоды. Но этот вопрос я решила оставить на потом.

Стало светло, я выключила фонарь и принялась рассматривать оборудование, расставленное по всему подвалу.

Половину дальней стены занимал медный перегонный куб с витым змеевиком. По сути обычный дистиллятор. Судя по рядам бутылок с темными настойками, здесь явно делали вытяжки из трав, эфирные масла, спиртовые экстракты.

Стол напротив был полностью отдан под латунный микроскоп с зеркальцем вместо лампы. Над микроскопом висело несколько светящихся кристаллов, от которых зеркальце ловило свет и направляло на линзы.

Что ж, я тоже не всегда работала на электронных микроскопах, такие у меня тоже были, вот только что именно здесь исследовали?

Рядом громоздились коробки с предметными стеклами, лежали засушенные листья, в банках со спиртом плавали корешки и какая-то мелкая живность. Кто-то явно разбирал местную флору и фауну. Некоторые «экспонаты» показались мне довольно странными, но, к счастью, на краю стола лежала тетрадь с заметками.

Я взяла ее в руки и пролистала. Кажется, кто-то уже пытался изучить это загадочное место, но судя по всему взглядом ученого-биолога.

Еще раз окинув взглядом лабораторию, я наткнулась на ящики с рассадой и горшки, в некоторых к стволам одного деревца были привиты черенки другого. Эту технологию я знала прекрасно, так как моя мать была страстной огородницей и выращивала на одной яблоне сразу три сорта.

На полке рядом с горшками нашелся лабораторный журнал, заполненный датами, граммами, процентами и выходами реакций. Кто-то записывал, сколько спирта ушло на настойку лаванды, при какой температуре сворачивается сок корнеплода, какой сорт яблок лучше принимается на дичок. Почерков было несколько, и самые старые страницы выцвели почти до желтизны.

Это было довольно странно. Я подошла к последнему столу, накрытому белой скатертью, приподняла и замерла от неожиданности.

Электронные весы, магнитная мешалка, приземистая центрифуга. Приборы не были воткнуты в розетку, шнуры были аккуратно свернуты и перемотаны красивыми атласными лентами.

Я хмыкнула, от нечего делать щелкнула кнопкой на центрифуге, и лампочка зажглась зеленым, а прибор с тихим урчанием заработал.

— Это как?! — воскликнула я, отключила его и начала искать место, куда вставлены батарейки, хотя сама знала, что такие приборы на батарейках и аккумуляторах не делают.

Конечно, я ничего не нашла. Но все приборы работали без подключения к электричеству! Я отошла на пару шагов, осмотрелась еще раз.

Пора было перестать отрицать очевидное. Я находилась в каком-то совершенно особом месте, где есть драконы, силовые поля, светящиеся кристаллы и непонятно как работающие электроприборы.

И, судя по всему, я не первая, кто пытался все понять. Рука сама потянулась к одному из толстых журналов, на корешке которого было написано «Фруктовый сад дэ Ламмот».

Дэ Ламмот! Фамилия моей прабабушки, которая в свою очередь унаследовала ее по материнской линии от какой-то французской родственницы-аристократки вместе с титулом и поместьем, которое никто так и не смог найти.

Я открыла книгу, где на первой же странице было объяснение всего:

«Добро пожаловать в другой мир! Если вы видите эти строки, значит, вы новая хозяйка поместья дэ Ламмот и фруктового сада!

Впишите свое имя в список и приготовьтесь к увлекательному приключению.»

Под торжественным обращением были разлинованы строки, в которых разными почерками и разными чернилами значились имена. Сначала на французском, затем и на русском языке. Последнее принадлежало моей пропавшей без вести бабушке.

Сама не знаю почему, но я вынула из кармана халата ручку и вписала свое имя на следующую строку.

Надежда Алексеевна Волкова.

В эту секунду мне показалось, что по подвалу пронесся легкий ветерок, он покачнул кристаллы под потолком, потрепал огоньки в масляных лампах, поиграл с моими прядями и исчез.

А я перелистнула страницу книги и начала читать дальше.

Глава 3

Кейден сидел в темноте, прикрыв глаза, и лениво помешивал в бокале крепкий отвар полыни. Когда горькая жидкость нагревалась, он высасывал из нее все тепло так, что поверхность покрывалась корочкой льда.

Он подносил бокал к губам, делал маленький глоток и закрывал глаза, смакуя невыносимо горький вкус. Пусть внешнее состояние соответствует внутреннему, так достигается некоторое подобие баланса.

Мерзко и погано со всех сторон.

Из-за плотно закрытых бархатных штор он не всегда понимал, какое за окном время суток. И это тоже его устраивало. Чем ближе дракон к состоянию летаргического сна, тем выше шанс по-настоящему уснуть.

Покой был нарушен настороженным тявканьем Бьянки. Лисица-фамильяр отчего-то проснулась, встрепенулась и теперь принюхивалась, поглядывая на дверь.

Следом это почувствовал и Кейден. Вторжение.

Неприятное чужое присутствие, как сквозняк из приоткрытой двери. Кто-то пересек границу поместья, ту самую, что он провел собственной кровью по всему периметру.

Кейден медленно поднялся.

— Кого это принесло?

Деревенские крестились при одном упоминании Черного холма, торговцы оставляли ящики у ворот и уезжали, не оглядываясь, для остальных у ворот были вкопаны таблички с предупреждениями о том, что кем бы они ни были, им тут не рады. Но, похоже, кто-то все же рискнул сунуться сюда.

Белая лисица потянулась, выгнув спину дугой, и хищно щелкнула зубами.

— Идем, наведем порядок, — вздохнул дракон и вышел из гостиной, решительно пересек холл, распахнул дверь наружу и зашипел от того, как больно яркий свет ударил в глаз.

Морщась, Кейден поправил повязку и увидел нарушителя буквально сразу. По ровной мраморной дорожке торопливо шла знакомая женская фигура, доставая на ходу какие-то колбы.

На этот раз новая соседка была без странных приборов, но зато в платье, которое подразумевало нижнюю рубашку и несколько нижних юбок, но их не было. Приличные женщины так не ходят. Тонкий лен на утреннем солнце показывал то, что обязан был скрывать. Например, просвечивающий на контрасте силуэт стройных ног.

Кейден тряхнул головой, понимая, что мысль сворачивает куда-то не туда, а воинственный настрой сбивается.

Тем временем девушка дошла до фонтана, присела на край и набрала пипеткой воду в чистую колбу. Кейдена она не замечала, хотя он стоял в десяти шагах, а его присутствие обычно чувствовали за версту.

— Я не давал вам разрешения ступать на мою землю!

Гостья даже бровью не повела. Она закупорила колбу пробкой, выпрямилась и глянула на него поверх очков.

— А я думала, у вас тут так заведено, — отозвалась она, разглядывая колбу на просвет, — ходить по чужим владениям, когда вздумается.

— Вы упрекаете меня в отсутствии манер? — искренне возмутился Кейден.

Может, он и забрел недавно в ее сад, но лишь потому, что тот так внезапно зацвел. Не повод для того, чтобы вламываться вот так и лазать по фонтанам.

— Мне нет ровным счетом никакого дела до ваших манер, — произнесла соседка, все еще разглядывая воду в колбе. — Я провожу исследование. Экзотических частиц, лучей и энергии, которыми тут пропитано буквально все. Мне не до светских бесед.

— Какие еще лучи? — Кейден поморщился и тряхнул головой, окончательно переставая понимать, о чем говорит эта женщина.

— Вот, полюбуйтесь. — Соседка сняла очки и протянула ему.

Сквозь линзы были видны разноцветные потоки, от руки Кейдена, например, клубился сизый туман. Он оседал на землю и стелился, полз, дотягивался до всего живого и накрывал его.

И сейчас особенно плотный сгусток полз в сторону соседки, беспечно стоящей напротив.

— Это всего лишь магия. Вам лучше уйти, — произнес он сухо, возвращая очки хозяйке.

Девушка забрала очки, протерла их о подол и хмыкнула.

— Я бы назвала это световыми частицами и радиационным фоном, но для малообразованных сельских жителей это, конечно, магия.

— Для малообразованных?! Сельских?! Я граф, и вы стоите на моей земле!

— Ах, граф. — Она кивнула так, будто он подтвердил какой-то диагноз. — Могла бы догадаться, что здесь процветает феодализм. Весьма характерная черта отсталого общества. Что ж, хорошего дня, мне нужно в лабораторию.

Перехватив колбы, соседка решительно двинулась по дорожке в сторону своего поместья.

Бьянка перегородила ей дорогу, села и уставилась на девушку, склонив голову набок.

— Уберите животное, пожалуйста!

— Животное?! Это фамильяр!

Соседка попыталась обойти Бьянку, но та припала на передние лапы и низко зарычала.

— Я не знаю, что такое фамильяр. Ваша дрессированная лиса мешает мне пройти.

— Дресси… о боже. Что вы вообще забыли здесь? Зачем вам моя вода?

— Вода не ваша, — гостья обреченно вздохнула. — Это просто вода. Скорее всего, из того же источника, что питает мою систему орошения.

Она махнула колбой в сторону сада, где вовсю цвели яблони, хотя на некоторых деревьях цвет свернулся и осыпался вместе с листвой.

— И, судя по всему, она отравлена!

Кейден посмотрел туда, куда она указывала. На ветке ближайшей яблони, которую он минуту назад случайно задел плечом, чернели и опадали лепестки, а молодая листва скручивалась в трубочки прямо на глазах. Он тяжело выдохнул.

— Я знаю причину, — сказал он. — Но вы ее все равно не примете.

— И что же это? — Она уже вытаскивала из кармана сложенный лист с какими-то столбцами. — Тяжелые металлы? Биологическое заражение?

— Магия, — развел руками Кейден и впервые за десять лет искренне усмехнулся.

Глава 4

Я проснулась от того, что солнечные лучи щекотали ресницы. Неужели я забыла задернуть шторы перед тем, как лечь?

Поморщившись, я перевернулась на другой бок, уткнулась носом в подушки и замерла, потому что подушка пахла лавандой так, словно была ею набита. Хотя, кажется, именно так и было!

Я резко села в кровати, осознавая, что я не дома. Над головой тянулся беленый потолок с темными балками, в распахнутое окно лезла яблоневая ветка, а за ней вставало солнце над холмами. Вспоминала я медленно и неохотно, по кусочку.

Накануне я просидела в подвале почти сутки, разбирая записи тех, кто жил здесь до меня, и вынуждена была признать несколько крайне неудобных фактов. Например, то, что я оказалась в другом мире и теперь каким-то образом привязана к этому месту.

Второе, немаловажное, что в этом мире много неисследованных биоэнергетических процессов, из-за которых пребывание здесь может быть рискованным, а возвращение домой и вовсе невозможным.

Третье, удивительное, что после ночи в подвале я проснулась с первыми лучами солнца бодрая и полная сил. По моим расчетам, у меня как минимум должна была болеть спина, но нет!

Я чувствовала себя так, словно неделю отсыпалась у моря.

У стены висело мутноватое зеркало в потускневшей оправе. Я подошла, посмотрела и замерла. Из стекла на меня смотрело отдохнувшее, посвежевшее отражение без единого мешка под глазами. Волосы, не мытые третий день, лежали гладко и блестели, будто после салона. Я повертела перед собой руки: кожа стала мягкой, заусенцы пропали, исчезли мелкие прыщики, неровности и даже синяки от встречи со вчерашней невидимой стеной.

В зеркале за моей спиной голубело окно, а в нем сиял сад. Я обернулась: старые корявые яблони, еще вчера наполовину сухие, утопали в бело-розовом цвету, листва налилась густой зеленью, трава под деревьями стояла яркая и сочная. Сад буквально взорвался весной.

Вот и биоэнергетический симбиоз в действии: сад подпитывает меня, я его. Механизм в книге был описан туманно и никем толком не изучен. Моя предшественница и вовсе предпочитала заниматься заготовками, настоями и кулинарией.

Из практических следствий меня раздражало одно: просто встать и уйти я уже не могла.

Открыв шкаф, я, как и предполагала, нашла в нем ассортимент милых светлых платьев с пышными и непрактичными юбками в пол. И коллекцию фартуков к ним. Очаровательно и неудобно, как большинство женской одежды.

Но лучше так, чем в грязных брюках, вязаной кофте, в которой слишком жарко, и грязном халате.

Выбранное наугад простое голубое платье село как влитое. В пару к нему на крючке нашлись белый фартук и шляпка от солнца, и ее я тоже нацепила, чувствуя себя героиней романа про тихую деревенскую жизнь.

Осталось позавтракать и приниматься за дело. В отличие от своих предшественниц, я твердо намеревалась разобраться, что здесь происходит! И описать процессы для будущих жертв этого места.

В кладовой обнаружились запасы, которым позавидовал бы небольшой бакалейный магазин: круги сыра, копченый окорок, банки с вареньем.

Я соорудила бутерброд с окороком, налила в кружку компота из банки и устроилась с завтраком на крыльце, лицом к сияющему саду.

Жуя, я обдумывала главную сложность.

Энергия, которая создавала барьер и питала сад, бесспорно, существовала.

Вот только как изучать то, чего не видишь, не можешь пощупать и даже толком не знаешь, как назвать? Любое исследование начинается с измерения, а посчитать можно лишь то, что хоть как-то себя проявляет.

Только через что, как и куда смотреть?

Над цветущим садом стоял ровный гул, рой слетелся на свежие бутоны со всей округи, и я лениво следила за ближайшей пчелой, дожевывая бутерброд.

Сначала я не поняла, что меня зацепило. Пчела летела к раскрытому цветку странным путем: вместо того чтобы двигаться напрямик, как всякое существо, что бережет силы, она закладывала в воздухе плавную дугу, забирала вбок, выравнивалась и только потом падала на лепестки. Между ней и цветком будто лежало что-то, чего нельзя было задеть. Я присмотрелась к остальным. Все вытворяли то же самое, петляли и выписывали виражи, обтекали одни и те же пустоты, где не было ни ветки, ни паутины, ровным счетом ничего, будто между яблонями стояли стеклянные стены и тянулись незримые потоки.

Я отставила кружку и подалась вперед. Весь рой мерно покачивался в полете по одному общему ритму, будто их качала невидимая волна. Можно было принять это за колыхание на ветру, но нет!

Кроны яблонь тоже качались, но клонились они все в одну сторону, по ветру. Значит… рой пчел и правда качала невидимая волна! Это ключ!

Я бросила бутерброд на тарелку, метнулась в дом за бумагой и грифелем, выскочила обратно на крыльцо и принялась наносить дугу за дугой, виток за витком, как когда-то снимала спектры.

— Ничего, ничего! Я во всем разберусь! — бормотала я себе под нос.

Итак, мои наброски действительно складывались в картину. Судя по всему, я имею дело с некими световыми лучами, лежащими в той части спектра, которую не способен увидеть человеческий глаз.

Но вот пчелы видят в ультрафиолете, змеи чувствуют инфракрасное излучение, летучие мыши используют эхолокацию. Так что мне осталось найти того, кто заменит мне отсутствующие приборы. Начинать стоило с самого простого.

Раз я имею дело со светом, то его можно разложить на спектр и изучить. Я вспомнила про кристаллы в подвале, светящиеся сами собой, спустилась за одним из них, осторожно сняла с медной проволоки и вышла с ним на солнечный свет.

Моя догадка оказалась верна. Камень был пронизан тончайшими бороздками, благодаря таким бороздкам на свету переливаются всеми цветами перламутр и крылья бабочки. Хотя на самом деле никакой краски в них нет.

Решетчатая структура раскладывает свет и сдвигает его спектр в зону моей видимости. Видимо, в нашем мире этих экзотических лучей совсем мало, нет источника, а здесь — пожалуйста.

— Логично, — хмыкнула я, подошла к яблоне и еще раз осмотрела ее.

Земная, вполне, но все же что-то было не совсем так. Корневая система казалась мощнее, листья потоньше, с едва заметным голубым отливом. Растение адаптировалось к новому виду энергии и реагировало на него. Отсюда и внезапное цветение, хотя климатически весна давно перешла в лето.

Что ж, есть с чем работать.

Я взяла светящийся камень, повертела его в руках, а затем вернула обратно в подвал, взяв вместо него линзу из такого же материала. Я прихватила еще несколько приборов и потопала к пасеке, где концентрация пчел была выше и можно было лучше изучить их поведение.

У пасеки я провела добрый час, наблюдая за пчелами через линзу. Они и правда обходили в воздухе невидимые мне русла, облетали пустоты, подтверждая мою догадку.

Еще я заметила странность: некоторые пчелы зависали над пустыми с виду цветами и не садились, словно чуяли что-то, чего не показывало даже мое стекло. Сад вокруг стоял в полном цвету, бело-розовый, гудящий, и я позволила себе всего на минуту отвлечься на эту красоту и полюбоваться.

В тени яблонь в тонкой изумрудной траве виднелись спелые ягоды земляники, я не удержалась, наклонилась и отправила их в рот.

Очень вкусно! Самая вкусная земляника в моей жизни. Вот бы набрать целую корзинку, смешать со сметаной и поесть с блинами.

А можно сделать земляничное варенье и…

Я вздрогнула и дала самой себе пощечину.

— Надежда Алексеевна, — строго сказала я сама себе, — ты ученый, а не садовод! И уж тем более не хозяюшка. Соберись!

Я бросила взгляд на ближайший улей и заметила еще одну странность. Некоторых пчел не пускали, на них нападали, как на врагов. Это было странно, потому что до этого я подобного поведения не замечала.

При этом нападали только на тех пчел, что подлетали к улью со стороны холмов. Я присмотрелась: подобная участь ждала многих тружениц. Нужно было бы побольше почитать про пчел, а пока посмотреть, может, причина в месте, откуда они принесли пыльцу.

Что там такого может быть на холмах?

Я пошла в ту сторону, наблюдая за насекомыми и ища разгадку. На полпути под левой лопаткой вдруг остро кольнуло, будто туда воткнули иглу, я охнула и завела руку за спину, но нащупать ничего не сумела.

Боль ушла так же быстро, как пришла. Может, укусил кто? Тогда бы болело или чесалось.

Я помотала головой, побрела дальше и тут заметила, что несколько яблонь у самой межи выглядят совсем не так, как остальные: цвет на них был блеклый, цветы опадали, бутоны жухли.

Я наклонилась, пощупала землю. Суховато. Может, что-то с системой ирригации? А потом я увидела пчелу, которая села на еще живой бутон, а затем упала в траву замертво.

Пестициды?

Я посмотрела на яблоню через линзу, сложно было сказать что-то определенное, но казалось, что присутствует какая-то мутность. Облако рассеивания?

Протерев стекло несколько раз, я убедилась, что мне не кажется. Помутнение, которое концентрировалось ближе к краю посадки.

Я пошла вперед и не сразу заметила, что я тут не одна. Среди деревьев стоял высокий мужчина в черном камзоле. Его фигура расплывалась в линзе, я посмотрела поверх.

Пожалуй, мужчина был даже слишком высокий. Широкие плечи были подчеркнуты строгим черным камзолом, волосы, собранные в хвост, были такими темными, будто стремились высосать свет из окружающего.

Лицо его было будто вырезанным из камня. Холодным, симметричным, резким. Кожа была бледной, даже сероватой, левый глаз скрывала черная повязка, а единственный уцелевший смотрел на мир с мрачным безразличием и тенью усталости.

Кто бы этот человек ни был, он здесь явно лишний.

— Прошу вас немедленно покинуть зону проведения эксперимента! — крикнула я.

Мужчина даже не обернулся, будто меня здесь вообще не было. Глухой, что ли? Я раздраженно сунула блокнот за пояс, подошла ближе и помахала рукой у него перед лицом.

— Ау! Вы меня слышите? Русский понимаете?

Только теперь он соизволил обратить на меня внимание. Отступил на шаг, поправил шейный платок и заговорил неожиданно учтиво, на чистом, немного литературном русском.

— Прошу прощения за вторжение. Позвольте представиться, граф Найтенбрук, хозяин поместья. — Он кивнул на холм, где над деревьями темнел мрачный особняк.

— Сосед, значит, это проясняет ситуацию, — отозвалась я. — А теперь прошу вас вернуться на свою территорию. Я провожу исследование, и вы мне мешаете.

Возможно, мои слова прозвучали грубовато, но сосед никуда не денется, в сущности, а момент может быть упущен. Солнце поднималось все выше, и пчел с каждой минутой становилось все меньше.

Я снова склонилась к почерневшей ветке, прикидывая, чем тут можно так быстро сгубить целое дерево.

— Конечно, я уже ухожу. Не хотел навредить вашему саду, — произнес граф ровным голосом. — Я не всегда могу контролировать свою магию.

При слове «магия» я едва не рассмеялась ему в лицо. Передо мной стоял взрослый, солидный человек, всерьез верящий в детские сказки про колдовство.

— Не говорите глупости. — Я подняла на него глаза и поправила очки. — Магии не существует.

Граф усмехнулся уголком рта, словно услышал несусветную глупость, и нарочно накрыл ладонью живую, еще не тронутую ветвь.

— Тогда как вы объясните это?

От касания графа лепестки яблони побледнели, свернулись и осыпались на землю мертвым дождем. У меня снова кольнуло под лопаткой. Может, это что-то нервное? Впрочем, фокус с веткой у графа вышел занятным, не поспоришь. Я выдернула из пучка волос один из карандашей и записала увиденное в столбик «дополнительно изучать», пока не забыла.

— Внесу это еще одним пунктом в список и отвечу вам чуть позже, — сказала я, не отрываясь от блокнота. — Но поверьте, у всего обязательно есть формула. А теперь прошу вас, покиньте территорию. Вы, очевидно, переменная в этом уравнении, а мне нужны чистые данные. Спасибо, до свидания.

Несколько мгновений граф молча меня разглядывал, словно решал в уме что-то, потом коротко склонил голову и, не сказав больше ни слова, зашагал вверх по склону к своему мрачному особняку.

Я с облегчением выдохнула. Странное ощущение, будто все это время что-то сдавливало мою грудь, а теперь отступило. Это я решила в список не заносить. Может быть, этот человек был просто мне неприятен, отсюда такая реакция?

Главное, что наконец-то можно было вернуться к работе.

И все же я невольно проводила его взглядом. Крепкий мужчина с широкими плечами и идеальной осанкой. Он уверенно поднимался на довольно высокий холм под палящим солнцем, и такое чувство, что у него даже дыхание не сбилось.

Длинные черные волосы, перевязанные бархатной лентой, трепал летний ветерок. Что такому человеку может взбрести в голову? Непонятно, может, у них ученых на кострах жгут. Лучше держаться подальше.

Я снова повернулась к погубленной яблоне. Кора под ладонью оказалась холодной и мертвой, сухие лепестки сыпались от одного прикосновения. И стоило мне тронуть иссохшую ветвь, как под левой лопаткой опять остро кольнуло. Я отдернула руку и потерла ноющее место.

— Да что ж такое-то!

Впрочем, никаких других тревожных симптомов не было, так что я решила не отвлекаться и полностью посвятить себя работе.

Я найду способ вернуться на Землю и смогу доказать разом и теорию множественных миров, и теорию экзотических лучей. Нобелевская премия болталась перед глазами, словно морковка.

Следующие три дня я металась между садом и подвалом. Я составила карту излучений: некоторые были постоянные, а некоторые шли волнами, и очень бы хотелось найти источник.

Версии возникали и сыпались одна за другой.

Но в картину все еще не укладывалась гибель яблонь. Я снова пришла в то место, где встретила соседа, и то, что я увидела, мне не понравилось. Погибших яблонь стало больше.

При этом был виден четкий паттерн: чем ближе яблони были к поместью соседа, тем хуже они себя чувствовали.

Что ж, конечно, можно было поверить фокусам графа и решить, что дело в магии, но, скорее всего, это было загрязнение источника, откуда питалась ирригационная система сада.

Такие огромные территории не полить из садового шланга, значит, под землей шли трубы. И если представить себя инженером-проектировщиком, то по логике источник должен быть где-то в холмах, идти через участок соседа и в определенной точке расходиться каналами по всему саду.

Нужно было только найти какое-то место, где вода выходит на поверхность, чтобы можно было взять пробы и посмотреть, что происходит.

Я переодела платье, вооружилась колбами и потопала на поиски воды, временно отложив исследования лучей. К сожалению, путь неминуемо вел вверх по холму к поместью графа.

Ну, раз забора между нашими территориями не было и сосед, по-видимому, заходил в сад, когда заблагорассудится, значит тут так принято.

Колбы и пипетки прекрасно расположились в плетеной корзинке, рядом с парочкой яблок и бутылкой питьевой воды. На улице было уже жарковато, а яблони все еще вели себя так, словно на дворе весна.

Я дошла до конца сада, заметила заросшую тропинку, ведущую к мрачному поместью на холме, и решительно направилась туда.

Особняк графа вблизи оказался под стать хозяину. Когда-то это, видимо, было роскошное родовое гнездо: высокие окна, лепнина по карнизам, широкая лестница с резными балясинами, ведущая к парадным дверям.

Камень потемнел и пошел трещинами, штукатурка местами осыпалась, стекла наглухо затягивали тяжелые черные шторы, отчего создавалось ощущение заброшенности.

Вокруг особняка были отсыпаны гравием дорожки, стояли мраморные статуи и несколько мертвых деревьев, даже скорее скелетов деревьев, по-другому не скажешь.

Местами еще попадались останки живой изгороди. Все это подтверждало гипотезу, что источник находится где-то за поместьем и однозначно отравлен.

Я сверилась со своим наброском и ровно в том месте, где, как я предполагала, должна проходить труба, у соседа бил фонтан.

Лучшего места для проб было не найти! Я опустилась на колени у чаши, достала пипетку и склянку и принялась набирать воду, помечая каждый образец номером. Может, все дело в самой воде, в каких-нибудь растворенных солях или местной заразе, что травит корни. Стоило взять пробы и где-нибудь повыше, поближе к источнику, но сначала исследовать то, что есть. Если вода в колбах нагреется под солнцем, то это может все испортить.

За спиной хрустнула ветка.

— Я не давал вам разрешения ступать на мою землю, — раздался знакомый холодный голос.

Я не обернулась, сдержавшись, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. Сосед напугал меня, наверняка нарочно.

— А я думала, у вас тут так заведено, — отозвалась я, разглядывая колбу на просвет, — ходить по чужим владениям, когда вздумается.

Граф обошел чашу и встал напротив, так что мне поневоле пришлось поднять голову. Вблизи он оказался куда внушительнее, и я с досадой поймала себя на том, что разглядываю

его дольше, чем нужно. В ярком свете дня его лицо казалось еще бледнее, а единственный глаз смотрел на меня с непонятным выражением.

— Вы упрекаете меня в отсутствии манер?

Бровь соседа поползла вверх.

— Мне нет ровным счетом никакого дела до ваших манер, — вздохнула я. — Я провожу исследование. Экзотических частиц, лучей и энергии, которыми тут пропитано буквально все. Мне не до светских бесед.

— Какие еще лучи?

Я посмотрела на графа, поморщилась, понимая, что говорю с человеком, явно далеким от науки, и протянула ему свои поляризационные очки, через которые можно было хоть слабо, но видеть лучи.

— Вот, полюбуйтесь.

Мужчина поднес линзу к глазу, пожал плечами и сунул мне очки обратно.

— Это всего лишь магия. Вам лучше уйти.

Я забрала очки, протерла их о подол и хмыкнула.

— Я бы назвала это световыми частицами и радиационным фоном, но для малообразованных сельских жителей это, конечно, магия.

— Для малообразованных?! Сельских?! Я граф, и вы стоите на моей земле!

— Ах, граф. Могла бы догадаться, что здесь процветает феодализм. Весьма характерная черта отсталого общества. Что ж, хорошего дня, мне нужно в лабораторию.

Продолжать этот разговор совершенно не хотелось. О чем говорить с мужчиной, который так уверен в своем превосходстве за счет пола и титула, что критическое мышление напрочь отшибло?

Он зашел на мою территорию, я на его — квиты. Все. Да и с каждой минутой вода в колбах нагревалась. Хоть я сложила все в корзинку и накрыла сверху платком, но каждая минута была на счету.

Я уже прошла несколько шагов, как вдруг мне преградила дорогу лисица. От неожиданности я оцепенела.

Большая пушистая белая лисица склонила голову, присматриваясь ко мне. У странного хозяина — странный питомец, что делает все происходящее закономерным.

— Уберите животное, пожалуйста! — сказала я строго.

— Животное?! Это фамильяр! — возмутился сосед так, будто я бегемота слоном назвала.

Поняв, что адекватного поведения ждать не стоит, я попыталась обойти лису, на что та припала на передние лапы и низко зарычала, обнажая острые зубы.

— Я не знаю, что такое фамильяр, — произнесла я, с трудом сохраняя спокойствие в голосе, — но ваша дрессированная лиса мешает мне пройти.

— Дресси… о боже, — граф простонал, словно я произнесла какое-то оскорбление. — Что вы вообще забыли здесь? Зачем вам моя вода?

— Вода не ваша! Это просто вода. Скорее всего, из того же источника, что питает мою систему орошения. И, судя по всему, она отравлена!

— Я знаю причину, — сказал он. — Но вы ее все равно не примете.

На секунду я даже обрадовалась. Очень даже хорошо, что есть какие-то зацепки. Всегда приятно, когда есть направление, в котором двигаться.

— И что же это? Тяжелые металлы? Биологическое заражение?

— Магия, — развел руками граф и усмехнулся.

Продолжать этот балаган я не собиралась. Магия, фамильяры, феодальный гонор.

— Знаете, я не намерена и дальше тратить время на этот бессмысленный разговор, — отрезала я и поудобнее перехватила корзинку. — Всего доброго.

— Магии вам мало? — голос графа стал тихим, и в нем послышались нотки рычания. — Тогда вот вам еще один неоспоримый факт: я — дракон.

Не успела я и слова вставить, как глаз графа полыхнул расплавленным золотом, зрачок вытянулся в вертикальную щель, как у гигантской ящерицы. За спиной с тяжелым шорохом развернулись огромные черные крылья и заслонили солнце, а в лицо мне полыхнуло таким жаром, будто кто-то рядом распахнул разогретую на максимум духовку.

И тут под левой лопаткой заболело так, словно мне нож туда воткнули. Лезвие боли вонзилось в спину и прошило меня насквозь. Я выронила корзинку и осела на подкосившихся ногах, а мир качнулся и поплыл куда-то вбок.

Упасть граф мне не дал, подхватил сильными руками и прижал к своей груди, обжигающе горячей. Очень странное чувство от такой крепкой хватки, хорошо и больно разом, будто меня без передышки било слабым статическим разрядом, и по коже от каждого прикосновения бежали колючие искры. Где-то на самом краю гаснущего сознания мелькнула упрямая мысль, что и это непременно нужно будет измерить и записать.

А потом наступила темнота.

Глава 5

Кейден, конечно, ожидал произвести на дерзкую девицу эффект, но явно не такой. На секунду ему показалось, что он ненароком убил ее.

Вдруг последнее, на чем держался рассудок этой девицы — это слепая вера в отсутствие магии и колдовства, а он лишил ее опоры, и она скончалась от избытка чувств.

Вторая мысль была еще мрачнее: его магия убила барышню на месте.

Кейден застыл посреди двора, держа на руках обмякшее тело, и не находил в себе сил заглянуть ей в лицо. А что, если правда убил?

Дракон приложил ухо к груди девушки и почувствовал, как под тонкой тканью платья ровно и упрямо стучало сердце.

— Жива! — воскликнул Кейден и посмотрел на Бьянку.

Лисица сидела на дорожке и наблюдала за ним, склонив голову набок, в глазах фамильяра читалось крайнее любопытство.

— Не смотри так!

За долгие годы одиночества Кейден привык говорить с лисицей, как с единственным собеседником, пусть та и не могла ответить ему ни словом.

— Эта упрямица просто не вынесла правды. Увидела крылья, услышала про драконов и хлопнулась в обморок от потрясения, чувствительная натура, что с нее взять.

В глазах лисы появился скепсис.

— Ладно, может, просто перегрелась на солнце. Неважно, отнесу ее в ее поместье, и пусть приходит в себя сама, — сказал он, поднимаясь на ноги вместе с девушкой на руках.

Девица оказалась легкой, и пахло от нее странно, странно, но вкусно. Драконья сущность внутри Кейдена встрепенулась, Бьянка почувствовала это и вскочила на лапы, водя по дорожке хвостом.

— Нет! Я отнесу ее туда и уйду, потому что как только попаданка откроет глаза, то сразу начнет спорить снова.

Кейден сделал пару шагов по гравийной дорожке, и Бьянка снова преградила ему путь. Дракон сам поймал себя на скверной мысли. А если она и правда не очнется?

От этого вопроса стало не по себе. К тому же припекало сильно. А если это у нее от жары? Пока он будет нести ее через весь холм, а потом по саду, ее новый удар хватит. В конце концов, он все же граф. И пусть дама скандалит не к месту, ведет себя неадекватно и раздражает, нужно оставаться Найтенбруком.

— Ладно, — сказал он, глядя на лисицу. — Ты права, лучше убедиться, что с соседкой все в порядке, лекаря вызвать, если нужно, отпоить прохладной водичкой, а потом уже выставить вон.

Кейден понес девушку в дом и уже у самого порога с тоской подумал, что зря, пожалуй, несколько лет назад выгнал всю прислугу. Будь в доме хоть одна живая душа, всем этим занялась бы кухарка или горничная, а ему не пришлось бы изображать сиделку.

Холл был загромождён ящиками от поставок продуктов и чего покрепче, пустыми мешками из-под овощей и прочей тарой, в которой фермеры из окрестных деревень доставляли продукты ему и Бьянке.

Кейден расчистил ногами проход и добрался до гостиной и уложил даму на большой диван, накрытый простыней. Девица была бледная ровно как эта простыня.

— Да, как-то не очень, — покачал он головой.

Кейден взял графин с водой, высосал из него все тепло драконьей магией и плеснул на девушку. Грубовато, но эффективно.

Должно было быть эффективно, но не подействовало. Она даже не вздрогнула, только верхнее платье, и без того провокационно надетое прямо на нижнее белье, стало полупрозрачным, открывая взгляду дракона все прелести фигуры.

К такому близкому знакомству с соседкой Кейден не был готов, но и отрицать привлекательность девичьих форм было глупо. Внутренний дракон не сводил с нее взгляда.

Кажется, чувствительных дам можно пробудить резкими запахами. Дракон прикинул, есть ли у него что-то подходящее.

Сперва в ход пошло камфорное масло, отыскавшееся в старой аптечке для прислуги. Кейден откупорил пузырек, поднес к носу гостьи, подержал. Девица даже бровью не повела. Похоже, от времени средство потеряло свою пахучесть.

Тогда Кейден взялся за тяжелую артиллерию: концентрат полыни на спирту, который держал для собственных нужд. От одного запаха у него самого заслезился глаз, но дама осталась все так же безмятежна.

— И что теперь? — спросил он у Бьянки, разглядывая бесчувственную соседку. — Полагается поднять повыше ноги, положить на лоб холодное полотенце и звать лекаря, так?

Лисица смотрела на него, не мигая, и это вполне сошло за согласие.

Дракон подхватил подушку и приподнял девушке ноги, и тут бессознательное тело начало соскальзывать по шелковой простыне к краю дивана, рискуя вовсе упасть.

Кейден метнулся, чтобы подхватить девушку, но запнулся о Бьянку, которая невесть зачем сунулась ему прямо под ноги. В полете он умудрился еще задеть столик и смахнуть с него бутыль с настойкой.

Полынный концентрат хлынул на пол вонючей лужей, девушка же соскользнула с дивана и треснулась головой об пол.

Кейден рухнул было сверху, но в последний миг удержался на руках и завис прямо над ней.

Их лица оказались до неприличия близко, и это в тот момент, когда девушка удивленно распахнула глаза. Цвета они были очень красивого, будто смотришь в ясное летнее небо, правда, небо в ответ смотрит с искренним возмущением.

Пришедшая в себя соседка уперлась ладонями в грудь Кейдена и с силой оттолкнула его от себя.

— Вы извращенец?! — выпалила она.

Глава 6

Меня затянуло в глубокий сон, в котором все было таким легким, невесомым, практически бестелесным. Все это пронизывали лучи, они были разные по интенсивности, плотности, цвету. Прямые и искаженные, что-то притягивало их, что-то отталкивало.

Среди этого многообразия плавали какие-то гигантские бактерии, отдельные частицы. Будто наблюдаешь в микроскоп за многообразием жизни в чашке Петри.

Казалось, что это не просто сон. Это некоторая степень прозрения. Сознание отключилось, а подсознание показывало то, что пока еще недоступно разуму.

Я замерла, чувствуя детскую радость первооткрывателя, азарт от близости открытия. Но я никак не могла сосредоточиться, меня постоянно что-то отвлекало.

То бросало в холод, то в жар, потом появился ужасный навязчивый запах, а я все тянулась к решению, оно было так близко, а затем меня буквально ударило мыслью по голове.

Видение исчезло, остался только отвратительный резкий запах полыни. Вместо разгадки я видела почти в упор бледное лицо соседа. Непривычно близко.

Что он делал тут со мной, пока я была в отключке? Чего нависает, почему я мокрая?!

— Вы извращенец?! — поинтересовалась я на всякий случай.

Граф поспешно отстранился, вскочил на ноги, всем видом демонстрируя оскорбленное достоинство.

— Я ничего такого не имел в виду, — холодно сообщил он, осматривая свой намокший камзол.

Я лежала в какой-то луже, посреди мрачного склепа, который, видимо, был гостиной его особняка. Поднеся руку к носу, я принюхалась. Пары алкоголя были такие сильные, что, если я еще хоть минуту просидела б в этой луже, точно захмелела бы.

Я поспешила подняться, сосед протянул мне руку, но я проигнорировала его. Я потрогала затылок — больно.

— Нельзя было как-то осторожнее? У меня голова — самый ценный ресурс.

Сосед тряхнул головой, отчего на его лоб упала черная прядь, выбившаяся из хвоста. В голосе звенела холодная злоба:

— И смею напомнить, что это вы заявились ко мне без приглашения, начали грубить, а потом, как увидели мою силу, так свалились без чувств от полноты впечатлений. Так что я всего лишь открыл вам глаза на реальность и пытался привести вас в чувство, как мог!

Граф понюхал манжет своего камзола, поморщился и снял его и небрежно бросил на кресло.

— От полноты впечатлений? — фыркнула я, проследив взглядом за камзолом и отметив, что на кресле он уже четвертый или пятый. — Не льстите себе. Если я и потеряла сознание, то из-за каких-то проблем со здоровьем, которые проявились в этом мире.

Граф Найтенбрук, который тянулся за следующим примерно таким же черным камзолом на вешалке, замер и обернулся на меня:

— То есть вы не отрицаете, что попали в другой мир?

Я посмотрела на намокший подол юбки, который мерзко лип к ногам, и завязала его чуть выше колена узлом.

— Почему я должна отрицать очевидное? — Я пожала плечами.

Сосед подошел ко мне, склонился, заглянул в глаза и прорычал:

— Вы отрицаете магию, называете меня необразованным пережитком прошлого, но перемещение в другой мир — это нормально?

Я посмотрела на соседа, глубоко вздохнула и дала себе обещание, что предприму последнюю попытку вразумить этого заносчивого типа, только во имя миссии просвещения, лежащей

на всех ученых, а также, возможно, ради дополнительной информации от аборигенов впоследствии.

— Что ж! Придется мне немного поработать с вашей картиной мира.

Я огляделась, и, конечно, в этом почти средневековом особняке не было ни намека на доску, маркерную стену или какой-нибудь ватман, а то и два.

Что ж, придется по старинке. Я подошла к потухшему камину, набрала горсть подходящих углей и повела графа за собой на улицу. Часть стены особняка, где штукатурка еще чудом держалась, была отличным заменителем доски.

— Давайте исходить из многомировой интерпретации Эверетта, который утверждал, что волновая функция никогда не коллапсирует, — я обернулась на графа Найтенбрука, посмотрела на его выражение лица, обреченно вздохнула. — Ладно, попробую попроще.

Я нарисовала на стене круг и внутри него точку.

День, похоже, будет долгим…

— Представьте, что эта точка — монетка, — продолжила я, постучав углем по рисунку. — Мы подбрасываем ее, и она падает либо одной стороной, либо другой, так? — Так, — ответила я сама, не дожидаясь графа. — Вот только, согласно теории, в момент неопределенности создается сразу два варианта будущего. Один мир, где монетка легла орлом, и другой, где выпала решка. И так без счета, бесконечное множество событий.

Я принялась пририсовывать к точке новые кружки, один за другим, разводя их в стороны, будто ветки.

— Сбывается разом все, до единого исхода. Просто каждый из них уходит в свой отдельный мир. Реальность раздваивается всякий раз, когда есть из чего выбирать, и так до бесконечности.

Я закончила чертить, отошла на пару шагов от стены и довольно хмыкнула. Очень наглядно вышло.

— По сути, реальность похожа на живой организм, — подвела я итог, — в котором без конца делятся клетки. Вы же в курсе, что клетки вообще делятся, да?

Граф лишь приподнял одну бровь.

— В курсе, а еще я в курсе, что вы только что исчертили стену моего дома углем.

Удивительно, но даже с повязкой на глазу он умудрялся харизматично выражать все возможные оттенки недовольства. Я отметила это про себя, поразилась, что вообще замечаю подобные глупости, и поспешила продолжить.

— Это мелочи, смоется дождем. Давайте не будем уходить от темы, — сказала я строго. — Так вот, логично, что существование других миров меня ни капли не удивляет, оно как раз вполне предсказуемо. А любопытно тут другое: их главное отличие. Повсюду разлиты экзотические световые лучи, те, что лежат в невидимой человеческому глазу части спектра. Ваши флора и фауна к ним приспособились и вовсю ими пользуются. Вот это я и изучаю. Ясно?

— Как день, — мрачно обронил граф.

— Отлично! Раз уж вы уяснили, что именно я изучаю и насколько это важно, будьте любезны, уйдите уже с дороги и не мешайте.

Я подобрала валявшуюся на садовой дорожке корзинку, вытряхнула колбы, с досадой обнаружила, что вода в них успела нагреться на солнце и для точного анализа уже не годится, вылила ее и принялась набирать свежие образцы.

Сосед уходить не спешил. Некоторое время он молча наблюдал за моей возней, а после подал голос:

— Допустим, вы изучаете лучи, но вода-то тут при чем?

— Ни при чем. Вода почти наверняка отравлена тяжелыми металлами или еще чем-то. — Я выпрямилась и махнула рукой в сторону сада. — Сами посмотрите, деревья гибнут.

Граф тяжело и обреченно вздохнул, сложил руки на груди:

— Это проявление моего родового проклятья. Я гублю все живое, что оказывается со мной рядом.

— Боже, — простонала я, окончательно убеждаясь, что весь наш долгий разговор прошел впустую. Я чертила ему схемы мироздания, а он в ответ выдал сказочку в духе бабкиных страшилок. — Проклятья — это суеверия, их попросту не бывает.

Несколько долгих секунд граф пристально смотрел на меня, а потом невесело усмехнулся.

— Я бы сказал, что вы слишком сильно ударились головой, — произнес он ровным голосом. — Но, к моему великому сожалению, вы были ровно такой же и до падения. Удачи вам, больше мне нечего сказать.

С этими словами он развернулся и ушел в свой темный холодный особняк, а тяжелая дверь глухо закрылась за его спиной.

Пожав плечами, я подхватила корзинку с образцами и заторопилась к себе, вниз, в подвальную лабораторию. Родовые проклятья, надо же было выдумать этакую откровенную чушь. Сейчас разложу эту воду на составляющие, отыщу в ней отраву и утру самоуверенному аристократу его безупречный нос.

В лаборатории я провозилась до глубокой ночи. Гоняла образцы и так и эдак, проверяла на соли тяжелых металлов, на кислоты, на всякую органическую дрянь, какую только могла припомнить. Раз за разом выходило одно и то же, а именно — ни-че-го. Вода выглядела чистой.

Это никак не укладывалось в мою стройную версию. Правда, всегда оставался вариант, что воду, поступающую в фонтан, или пропускают через фильтр, что вряд ли, или берут из другого источника, не связанного с садом.

Идти к соседу и уточнять не хотелось. Граф вселял в меня какое-то смутное беспокойство, которое я пока не могла для себя объяснить, и я приняла решение избегать всех контактов с ним.

Что оставалось?

Я снова развернула на столе старую карту поместья и окрестностей и повела пальцем от сада вверх, за холм с особняком. Там, дальше по склону, была глухая роща. Даже из окна было видно, как торчат из земли вывороченные валуны и топорщатся разлапистые деревья, а над ними с утра до ночи кружит и каркает воронье. Место и издалека выглядело мрачновато, но мрачное еще не значит опасное, а значит, что туда попадает мало солнечного света.

Надо будет запастись фонариком.

На карте эта роща была обозначена как «Гиблое ущелье».

Вот любят местные всякое такое. Меня подобной ерундой было не проймешь. Осталось собраться в научно-исследовательскую миссию.

К экспедиции я снарядилась основательно, как привыкла собираться на любое серьезное дело.

Для начала я скинула с себя пропахшее полынью платье, еще раз основательно порылась в шкафах. Почему сплошь и рядом только юбки да платья в пол?

Нашлись еще белые длинные панталоны и подходящая к ним рубашка, но они были из какой-то нежной ткани. Выглядело как-то странно, так что я решила поверх надеть удлиненный жилет с кружевом, он как раз прикрывал бедра, но не мешал двигаться.

Волосы я собрала в пучок, воткнула в него пару карандашей, а сверху повязала платок.

В заплечную сумку отправились чистые колбы, пипетка, драгоценная линза, блокнот с карандашами.

Обещанный самой себе фонарь я тоже раздобыла, приладив в него светящийся кристалл из подвала. Туда же легли фляга с водой, пара яблок и крепкая палка на случай бурелома, ножницы. Осмотрев снаряжение, я осталась довольна. Правда, несколько минут поразмыслив,

я прихватила с камина еще и спички с бумагой. Если в роще будут какие-нибудь дикие звери, то огонь их точно отпугнет.

Поместье графа я обошла стороной, пройдя по самой кромке барьера. Видеться с этим человеком мне совсем не хотелось, да и незачем. За поместьем тропинка сузилась, нырнула под деревья, и я оказалась на краю той самой рощи.

Воздух здесь стоял сырой, ветви смыкались над головой, а солнце едва пробивалось сквозь листву редкими пятнами.

Не успела я углубиться в чащу, как впереди, у огромного старого дерева, что-то зашуршало. В широком дупле ствола дрогнул воздух, пошел рябью, будто подернутая ветром вода, и оттуда, кряхтя и охая, выбралась сгорбленная старуха, волоча за собой здоровенный мешок.

Я настолько удивилась, что несколько секунд пошевелиться не могла. Я наблюдала с открытым ртом, как бабуля волокла здоровенный мешок, чертыхаясь. Выглядело все так, словно этот мешок вот-вот переломит ее пополам, и я шагнула вперед.

— Давайте помогу, — предложила я.

Старуха взвизгнула, выронила свою ношу и уставилась на меня:

— Совсем рехнулась?! Нельзя так пугать, — возмутилась она, осматривая меня.

— Вы буквально возникли у меня на пути, — возразила я. — Так что кто кого напугал. Что вы здесь делаете? — Я огляделась по сторонам, понимая, что до дороги отсюда прилично.

— Тащу мешок, — хмыкнула бабуля. — А вот ты чего по буеракам в нижнем белье скачешь? Иномирная, что ли?

— Какая?

— Попаданка? Из другого мира сюда попала?

Я медленно кивнула, удивляясь тому, что старушка говорит об этом, словно о рядовом событии. Что ж, похоже, у меня есть новый источник информации о мире.

— И много в этот мир попадает людей? — осторожно поинтересовалась я.

— Когда как. Сейчас мало, а так, бывало, уж молиться начинаешь, чтобы не лезли изо всех щелей. Чего стоишь? Решила помогать, так помогай!

Я пожала плечами, попыталась поднять мешок, и он оказался тяжелее, чем даже на вид. Бабуля крякнула и взяла мешок за другой край. Такое чувство, что сил у нее было поболее моего.

Несколько минут мы молча тащили мешок по бурелому, потом я все же спросила:

— А раз можно сюда попасть, то можно и домой вернуться?

— Можно, — лукаво посмотрела старуха. — Только наш мир — это перекресток, а не проходной двор. А тебя явно держит тут что-то.

Старуха принюхалась, потом хмыкнула.

— Кровь в тебе тутошняя есть, кто-то из родни с этих мест, оттого тебя сюда приволокло и держит. Сначала с этим разберись, потом уже домой собирайся.

Пыхтя, мы дотащили мешок до просвета, а там под елкой стояла заранее подготовленная тележка, запряженная осликом.

Я помогла погрузить мешок, отряхнула руки и спросила:

— Получается, что если это перекресток миров, то он к себе притягивает все остальное, некое подобие многомирной гравитации, получается, попасть сюда проще, чем уйти?

Бабка смерила меня взглядом и усмехнулась:

— А ты башковитая. Портал тебе нужно найти, который тебя выпустит, но сначала вон, с собой разберись.

— Да, исследования нужно закончить. Кстати, а не знаете, есть тут поблизости родник?

— Есть, — старушка покачала головой. — Из-под огромного каменного валуна течет. — Она махнула рукой в нужном мне направлении, — только гиблое там место. Солнце через пару

часов сядет, и все, поползут тени, повылазят призраки. Живой душе тут после заката делать нечего.

— В призраков я не верю, — честно ответила я. — И в тени, которые ползают сами по себе, тоже.

Старушка прищурилась, посмотрела на меня и хмыкнула:

— Да уж. Тебя это не погубит. Другое погубит. Мужик! Все соки из тебя высосет. Держись от мужского полу подальше.

Я кивнула с усмешкой:

— У меня мама тоже так говорит.

Бабуля не ответила, лишь головой покачала и потопала своей дорогой, а я пошла в направлении, которое мне указали.

И надо заметить, что у местных были причины называть это место гиблым. Так себе обстановка. Стволы теснились плотнее, свет мерк, под подошвами хрустели сухие ветки, а воронье над головой раскаркалось так, будто силилось меня о чем-то предупредить. Пару раз мне почудилось, что тени между деревьями шевельнулись сами собой, но я списала это на обманчивый полумрак и разыгравшееся воображение.

Я остановилась перевести дух и вдруг сквозь птичий гомон различила новый звук. Где-то совсем близко журчала вода. Источник! Я нашла его!

Забыв и про усталость, и про бабкины страшилки, я заторопилась вперед.

Глава 7

В кабинете стоял такой густой дух полыни, что графа Найтенбрука мутило от одного вдоха. Настой, обычно спасавший его от дурных мыслей, сегодня не лез в горло совершенно. Кейден покосился на пропитавшийся горечью ковер и поморщился. Будь в доме прислуга, он одним словом велел бы все тут вычистить, а теперь, выходит, возиться придется самому? А может, выветрится? Так это надо открывать окно, а там яблоневым цветом несет на всю округу. Драконьему обонянию придется страдать и так и так.

А ведь еще недавно его все устраивало. Он проводил вечера у камина, глушил настоями скверные воспоминания и перечитывал старые тома по истории мира. Толстые летописи, надо сказать, только укрепляли его во мнении, что ничего хорошего вокруг нет, не было и уже не предвидится.

Теперь же все шло наперекосяк.

Кресло под ним отчего-то сделалось жестким и неудобным, а сам он то и дело цеплялся взглядом за пыль на корешках книг и мутные разводы на окнах, которых прежде не замечал вовсе. Кейден раздраженно захлопнул том.

Это она виновата, эта несносная попаданка.

Сумасшедшая девица исчертила ему углем стену дома, из-за нее теперь все провоняло горькой настойкой, а в мыслях поселился какой-то непонятный разлад.

От нее следовало держаться подальше, и точка.

Одно присутствие соседки поднимало в нем чувство смутной тревоги, которой он не находил объяснения.

К тому же одевалась она возмутительно вольно, а уж когда там, у фонтана, ее платье намокло и облепило фигуру... Кейден мотнул головой.

Со двора донеслось злое рычание Бьянки.

Да что же это такое, ни минуты покоя. Снова соседка, наверное. Ну ничего, он сейчас устроит ей такой разнос, что она уже никогда не посмеет глаз на него поднять!

Кейден отставил стакан, поднялся и выглянул в окно.

Наглой соседки там не было, это Бьянка тащила по дорожке к дому упирающуюся старуху, а та обеими руками вцепилась в большой мешок и отпускать его явно не собиралась.

Кейден поправил повязку на глазу, вышел на крыльцо и сложил руки на груди.

— Так-так, и кто это к нам пожаловал, — протянул он. — Снова ты?

— Граф, клянусь всеми своими внучками, я просто мимо шла! — запричитала старуха, кое-как поднимаясь с дорожки, куда ее выволокла лисица.

Кейден перевел взгляд на рычащую Бьянку и усмехнулся.

— А вот Бьянка думает иначе. Уверен, она твою темную душонку за версту чует. Сколько раз я повторял, чтобы ты не таскала свою междумирную контрабанду через мои владения?

— Помилуйте, граф, какая контрабанда, — запричитала бабка. — Гостинцы это, обычные гостинчики.

Спорить Кейден не стал. Он шагнул вперед, вырвал мешок из цепких старушечьих рук и распахнул. Сверху лежала плоская гладкая штуковина, вся усыпанная мелкими кнопками. Рассмотреть диковину он не успел.

— Это мне подбросили! — тут же заголосила бабка. — Клянусь, подбросили, знать не знаю, что за штука!

— Ну конечно. Будешь это дракону-защитнику столицы рассказывать, — хмыкнул он.

— Внучками клянусь, это все девка белобрысая! — Старуха ткнула костлявым пальцем в сторону чащи. — Попаданка наглая. Шастает по лесу, источник какой-то ищет, я сразу смекнула, что от нее одни беды.

Кейден громко простонал. Ну конечно, кто же еще, опять эта девица.

— И когда только это закончится, — процедил он. — Куда, говоришь, она направилась?

— Так в Гиблую рощу и пошла. Помяни, духи, ее душу.

— Что? — Кейден переглянулся с Бьянкой, и по спине у него пробежал неприятный холодок.

Старуха мигом сбавила тон и виновато засопела.

— Да это я так, я ей и про опасности, и про тени сказала, а она все равно потопала. Дурная она совсем! И зачем подкинула мне всякой дряни, ума ни приложу.

— Давно она туда пошла? — уточнил Кейден, разом посерьезнев.

— Да уж часа два будет.

Кейден бросил взгляд на низкое багровое солнце, что почти касалось верхушек деревьев, и медленно покачал головой. Два часа в Гиблой роще, да еще к ночи. И правда, впору поминать.

— Ладно, проваливай, — бросил он старухе. — И чтоб глаза мои тебя больше здесь не видели. В другой раз точно сдам защитнику, будешь ему внучками клясться из-за решетки.

С этими словами Кейден подхватил тяжелый мешок и зашагал обратно в дом.

— А мешок! Мешок-то мой! — понеслось ему в спину.

— Так это ж подброшенное! Стало быть, и не твое. Конфискую!

Дракон сделал знак Бьянке отпустить старушку, а сам зашел в дом и поставил мешок у стены. Что ж, Гиблая роща быстро сделает свое дело. Нет попаданки — нет проблем. Так ведь?

Он представил, как девицу терзают тени, но картина не вызвала должного удовольствия.

— Вот же черт.

Кейден замер посреди холла, стиснул зубы и попытался внушить себе, что нет ему до этой занозы ровным счетом никакого дела. Пусть себе пропадает, одной головной болью меньше.

Он честно простоял так с минуту, а после сквозь зубы выругался, снял со стены меч и вышел во двор. Бьянка подняла на него взгляд, обреченно вздохнула и побежала вперед, искать след.

Глава 8

Надо сказать, что подъем по холму оказался тяжелее, чем я предполагала. К тому же чем дальше я шла, тем гуще и мрачнее становилась роща.

Возможно, мне стоило отложить поход на утро, чтобы ненароком не остаться здесь в темноте, но по моим расчетам, если не сбавлять шаг, то я успею, и даже запас времени будет.

Так что я шагала вперед, хотя иногда очень уж хотелось остановиться и сделать несколько заметок в блокноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.